

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ И ОТКЛОНЯЮЩЕЕСЯ ПОВЕДЕНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ: КРАТКИЙ ОЧЕРК

ЯКОВ ГИЛИНСКИЙ

(Санкт-Петербург)

Социология девиантного поведения определяется как «сквозная» теория с исторически изменчивым предметом. Само понятие «отклонение» характеризуется как элемент механизма изменения, присущий любой системе и имеющий как негативные, так и позитивные значения. Соц. неравенство определяется как источник отклоняющегося поведения, на уровне индивида таким источником является «социальная неустроенность». Между различными формами девиантного поведения (в том числе негативными и позитивными) существует постоянная сложная связь.

Средства соц. контроля, с точки зрения автора, должны определяться реальными закономерностями; соответственно этому предлагаются в качестве основных такие средства, как вытеснение опасных форм патологии нейтральными, легализации «преступлений без жертов», реадаптация и ресоциализация преступников и т. д.

Немного истории

Во все времена общество пыталось подавлять, устранять нежелательные формы человеческой жизнедеятельности и их носителей. Методы и средства взаимодействия определялись социально-экономическими отношениями, общественным сознанием, интересами и идеологией властных структур. Проблемы социального «зла» всегда привлекали внимание иссле-

Яков Ильич Гилинский (1934) — доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Ленинградского филиала ИСАН СССР. Автор монографии «Человек как объект социологического исследования» (в соавторстве). ЛГУ, 1977; многих статей, посвященных проблеме изучения девиантного поведения.

дователей общественной жизни. Философы, юристы, медики, психологи, педагоги каждый со своих позиций изучали и оценивали различные проявления социальной патологии: преступность, пьянство, наркотизм, проституцию, самоубийства и т. п. Становление социологии как науки сопровождалось исследованием и негативных явлений. Их изучению отдали дань Г. Тард и Э. Дюркгейм, А. Кетле и Г. Зиммель, П. Сорокин и Р. Мертон. В недрах социологии зародилась и развивалась специальная (частная) социологическая теория — социология девиантного (отклоняющегося) поведения и социального контроля (именно под таким названием функционирует один из исследовательских комитетов Международной социологической ассоциации).

Зарождение социологии девиантного поведения обычно связывают с именем Э. Дюркгейма (1858—1917). Именно его концепция аномии легла в основу дальнейших исследований социальных отклонений. Под аномией Дюркгейм понимал состояние общества, при котором отсутствует четкая непротиворечивая регуляция поведения индивидов, образуется нормативный вакуум, когда старые нормы и ценности уже не соответствуют реальным отношениям, а новые еще не утвердились. Главное для Дюркгейма в общественной жизни — социальная солидарность, и всяческие отклонения от нее — проявление социальной дезорганизации. Не удивительно, что в творчестве Дюркгейма значительное место занимает исследование проблем преступности, а его анализ самоубийств до сих пор остается классическим социологическим исследованием этой проблемы. Дюркгейм подчеркивал необходимость именно социологического подхода к проявлениям социальной патологии как социально детерминированным явлениям. Поскольку «самоубийство, зависит главным образом не от внутренних свойств индивида, а от внешних причин, управляющих людьми», постольку «количество социальных самоубийств можно объяснить только социологически»¹.

Состояние аномии способствует повышению уровня различных форм девиантного поведения. Вообще же общество без социальной патологии невозможно. Так, по поводу преступности Дюркгейм пишет: «Нет никакого другого феномена, который обладал бы бесспорно всеми признаками нормального явления, ибо преступность тесно связана с условиями жизни любого коллектива... Преступность — нормальное явление потому, что общество без преступности невозможно»². Эти взгляды Дюркгейма долгое время подвергались критике в советской криминологической литературе. Однако я разде-

ляю ту точку зрения, что общество также невозможно без различных проявлений социальной патологии, как биологические организмы — без заболеваний. Мы еще коснемся этого вопроса, но уже сейчас можно отметить утопичность представлений об «искоренении» преступности, «преодолении» пьянства и алкоголизма и т. п.

Дальнейшее развитие концепция аномии получила в трудах Р. Мертона. По Мертону, «отклоняющееся от нормы поведение может быть расценено как симптом несогласованности между определяемыми культурой устремлениями и социально организованными средствами их удовлетворения»³. При этом различный доступ к возможности законного достижения обусловленных культурой целей связан с социально-классовой структурой общества. Так, «антисоциальное поведение приобретает значительные масштабы только тогда, когда система культурных ценностей превозносит фактически превыше всего определенные символы успеха, общие для населения в целом, в то время как социальная структура общества жестко ограничивает или полностью устраняет доступ к апробированным средствам овладения этими символами для большей части того же населения»⁴.

Именно функциональные недостатки официальной структуры приводят к образованию неофициальных структур для удовлетворения потребностей.

Различное соотношение определяемых культурой целей и институционализированных средств логически предполагает пять возможных типов поведенческих реакций:

1. Подчинение, конформное поведение (принятие целей и средств).
2. Инновации, реформизм (принятие целей, устранение средств).
3. Ритуализм (непринятие целей, принятие средств).
4. Ретретизм, уход (непринятие ни целей, ни средств).
5. Мятеж, бунт (отказ от целей и средств с заменой их новыми целями и средствами).

Очевидно, отклоняющимися воспринимаются, как правило, второй, четвертый и пятый типы поведения.

Р. Клаурд и Л. Оулин пытались соединить концепцию аномии и теорию дифференцированной связи (Э. Сатерленд), объясняющую девиантное поведение как результат обучения, передачи норм делинквентной субкультуры входящим в нее индивидам. Так появилось представление о дифференцированном использовании незаконных средств для достижения успеха.

А. Козн полагал, что рассогласованность целей и средств и выбор соответствующего типа поведения зависит от структуры возможностей, которая реагирует на поведение индивидов, открывая или закрывая законные и незаконные возможности.

Приобретают распространение теории, объясняющие девиантное поведение негативной социальной реакцией, стигматизацией (клеймением), «наклеиванием» на лиц, чье поведение отклоняется от норм, ярлыка «девианта» (Ф. Танненбаум, Г. Беккер, Э. Лемерт, Э. Гофман, Г. Хофнагель и др.).*

В Советском Союзе длительное время изучение преступности, пьянства, наркотизма, самоубийств, проституции осуществлялось преимущественно в рамках частных научных дисциплин (криминология, наркология, суицидология и др.).

Нельзя не назвать М. И. Гернета (1874—1953) — специалиста в области уголовного и пенитенциарного права, расширившего круг своих исследований, по сути, до социологии преступности, алкоголизма, наркотизма, самоубийств, проституции. Однако начатая им работа была прервана в тридцатые годы условиями тоталитарного режима. Социологические исследования девиантного поведения начались в конце 60-х — начале 70-х годов в Ленинграде⁶. В развитии и институционализации социологии девиантного поведения (социальных отклонений) значительные заслуги принадлежат академику В. Н. Кудрявцеву⁷. В составе Советской социологической ассоциации (ССА) успешно работает комитет социологии девиантного поведения с одноименными секциями в ряде региональных отделений ССА. Сложились исследовательские центры в Санкт-Петербурге (В. Афанасьев, Я. Гишинский и др.), Москве (Г. Заиграев, Б. Левин и др.), Эстонии (А. Лепс, Э. Раска, Ю. Саар и др.), Грузии (А. Габияни и др.).

Предмет и статус социологии девиантного поведения

По мнению большинства советских ученых, социология включает три уровня познания социальной действительности; **общесоциологическая теория; специальные** (частные) социологические теории отдельных социальных процессов, общностей, институтов; **эмпирические** исследования в различных сферах общественной жизни⁸.

Специальные социологические теории, изучая отдельные социальные феномены, исследуют их в общем социальном кон-

* Более глубокий анализ зарубежной социологии девиантного поведения см. в литературе, названной в примечаниях³.

тексте, как подсистемы конкретной общественной системы, прослеживая зависимости объекта изучения от социального целого и взаимосвязи с другими социальными процессами (подсистемами общества).

Предметом специальных социологических теорий могут служить социальные явления и институты в определенной сфере общественного бытия (в сфере труда, политики, быта, досуга) или же «сквозные», присущие различным сферам жизнедеятельности. Классификация специальных социологических теорий возможна по разным основаниям. Так, Я. Щепаньский выделяет социологические теории, исследующие социальные институты (социология труда, политики, семьи, права, религии и т. д.), социальные процессы (миграция, социальная дезорганизация, девиантное поведение и др.). Можно различать специальные социологические теории, связанные с изучением общественной структуры и динамики.

Функционально частные социологические теории служат специальной методологией познания отдельных социальных процессов, общностей, институтов и методологической основой эмпирических социологических исследований.

Социология девиантного поведения, будучи «сквозной» теорией, исследует социальные процессы в различных сферах человеческой жизнедеятельности. Специфика ее предмета состоит в том, что круг изучаемых ею явлений (выражающихся в несоответствии поведенческих форм социальным нормам), исторически изменчив и зависит от сложившихся в данный момент в конкретном обществе социальных норм.

Основные понятия и теория девиантного поведения

Под девиантным (Лат. *deviatio* — отклонение) поведением понимают: (1) поступки, действия человека, не соответствующие официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе нормам (стереотипам, образцам); (2) социальное явление, выражающееся в относительно распространенных, массовых формах человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе нормам (социальные отклонения).

В первом значении — как индивидуальный поведенческий акт — девиантное поведение изучается преимущественно психологией, педагогикой, психиатрией. Во втором значении оно служит объектом социологии. Смешение этих двух понятий,

уровней отклоняющегося поведения приводит к многочисленным методологическим трудностям. Сам термин «девиантное поведение» применительно к социальным явлениям звучит неудачно. Оправданием его применения служат научная традиция и тот факт, что социальные отклонения (девиации) реализуются в деятельности людей.

Исходным для понимания **отклонений** служит понятие «норма». Однако дихотомия «норма-аномалия» относится к числу наименее определенных в науке. Под нормой понимают: усредненное значение какого-либо признака; наиболее распространенный, среднестатистический вариант протекания процесса, деятельности; идеальный желаемый тип, образец, эталон и т. п. Норма (здоровье) и аномалия (болезнь) с трудом дифференцируются в медицине (включая психиатрию), где они являются предметом специальных исследований и практических действий. Свидетельство тому — тавтологичность даваемого в Уставе Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) определения здоровья как «состояния полного физического, психического и социального благополучия». Очевидно, что при этом «норма там, где нас нет»⁹.

Вместе с тем, в теории организации складывается наиболее общее — для естественных и общественных наук — понимание **нормы** как предела, меры допустимого. Для физических и биологических систем — это допустимые пределы структурных и функциональных изменений, при которых обеспечивается сохранность объекта и не возникает препятствий для его развития. Это — **естественная** (адаптивная) норма, отражающая объективные закономерности сохранения и изменения систем.

Социальная норма определяет исторически сложившийся в данном конкретном обществе предел, меру, интервал допустимого (дозволенного или обязательного) поведения, деятельности людей, социальных групп, социальных организаций. В отличие от естественных норм протекания физических и биологических процессов, социальные нормы складываются как результат отражения (адекватного или искаженного) в сознании и поступках людей объективных закономерностей функционирования общества. Поэтому социальная норма может либо соответствовать законам общественного развития (и тогда она является «естественной»), либо отражать их недостаточно адекватно, а то и находиться с ними в противоречии будучи продуктом искаженного отражения объективных закономерностей. И тогда оказывается аномальной сама такая «норма», нормальны же отклонения от нее. Так, например,

сохранение в действующем пока уголовном законодательстве норм, запрещающих под страхом уголовного наказания частнопредпринимательскую деятельность и коммерческое посредничество (ст. 153 УК РСФСР), спекуляцию (ст. 154 УК РСФСР), ведение «паразитического образа жизни» (ст. 209 УК РСФСР) и т. п. — явно «ненормальны» в условиях рыночной экономики и неполной занятости населения...

Вот, в частности, почему социальные отклонения могут иметь для системы двоякое значение. Одни из них — **негативные** (социальная патология) — дисфункциональны, нарушают функционирование системы, дезорганизуют ее, создавая угрозу самому существованию. Другие — **позитивные** (социальное творчество) — служат средством совершенствования, прогрессивного развития системы, повышения ее организованности¹⁰. При этом качества «позитивное» и «негативное» не имманентно присущи определенным формам отклоняющегося поведения, а лишь выражают отношение к ним общества. Границы между социально позитивным и негативным весьма подвижны во времени и пространстве социумов. Кроме того, в одном и том же обществе в одно и то же время сосуществуют различные «нормативные субкультуры» (от научных сообществ и художественной «богемы» до преступных сообществ).

Вообще **отклонение**, будучи необходимым элементом механизма изменения, присуще любой системе. "Если рассматривать отклонение в более широком плане, то оно тесно связано с изменчивостью и устойчивостью движения, с неоднородностью материи. По-видимому, отклонение является элементарной и, вместе с тем, в определенном отношении наиболее общей формой (выражением) изменчивости, а также неоднородности объективного мира".

Спонтанные отклонения в неживой природе принято называть **флуктуациями**. Они могут привести как к гибели системы, так и к ее развитию. Отсутствие флуктуации в природе означало бы, очевидно, бесконечно однообразное движение элементарных частиц. По мнению И. Пригожина и И. Стенгсра, именно «флуктуации определяют глобальный исход эволюции системы»¹². Тезис тех же авторов — «порядок через флуктуации» — отражает роль последних в саморазвитии неживых систем. Бесчисленные физико-химические флуктуации привели в конечном итоге к возникновению жизни на Земле.

В механизме биологической эволюции существенная роль также принадлежит отклонениям — **мутациям**. Мутации, с одной стороны, нарушают организованность живых систем,

приводят к их гибели. С другой стороны, именно они служат первичным фактором эволюции, ее «сырьем», движущей силой отбора, путь которого состоит в отбраковывании (элиминации) особей с негативными для адаптации вида мутациями и наследственным закреплении мутаций, полезных для сохранения и эволюции вида¹³.

Таким образом, речь идет опять-таки о двойственном (позитивном-негативном) характере отклонений относительно сохранения и прогрессивного развития живых систем. Более того, есть основания полагать, что негативные мутации и иные отклонения от нормы могут сами по себе (а не только в «комплекте» с позитивными) выполнять определенные функции. Еще И. П. Павлов рассматривал болезнь не только как нарушение адаптационного механизма, но и как «физиологическую норму» приспособительной реакции. Продолжая это направление, И. В. Давыдовский связывал заболевания с нормальными физиологическими реакциями: «Так называемые патологические процессы — это всего лишь особенности приспособительных процессов¹⁴».

Неоднозначна роль психических отклонений. Так, среди больных с активным течением психоза реже, чем в популяции, встречаются психосоматические заболевания — за счет высокой, хотя и неправильно ориентированной, поисковой активности¹⁵. Давно высказывалась мысль о неврозах как своеобразном адаптационном «уходе» в болезнь в условиях социальной дезадаптации (Дж. Фурст, Т. Шибутани и др.). Не менее сложны взаимосвязи позитивных и негативных отклонений на социальном уровне организации материи¹⁶.

Вообще привычный для людей аксиологический подход к реалиям нередко приводит к отрицанию функциональности и адаптивности процессов, признаваемых «патологическими», вызывающих негодование и желание поскорее их ликвидировать и искоренить... При этом забывается, что, во-первых, любое целое (процесс, система, противоречие) имеют положительную и отрицательную («дурную») стороны, что «отрицательное и положительное... абсолютно соединены в субстанциальной необходимости»¹⁷.

Во-вторых, адаптационные процессы, без которых невозможно само существование (сохранение и изменение) биологических и социальных систем, включают патологическое (аномальное) как свою разновидность, неотъемлемую составляющую. Диалектика нормы и патологии в процессе адаптации подробно рассмотрена И. Д. Калайковым, который обоснованно приходит к выводу: «Норма и патология — это

формы приспособительного процесса... Патологическое является специфической формой адаптации»¹⁸.

Поэтому, в-третьих, объективно нефункциональные и неадаптивные проявления в конечном счете элиминируются в процессе эволюции. И в этом смысле прав Гегель — «все действительное разумно»!

Процессы организации (негэнтропийные) и дезорганизации (энтропийные) необходимы. Неадаптивные формы человеческой жизнедеятельности в процессе эволюции элиминируются, сохраняющиеся же адаптивны и выполняют те или иные явные и/или латентные функции. Вот почему иллюзорны представления о возможности запретительно-репрессивными мерами «ликвидировать» то или иное нежелательное социальное явление.

О причинах девиантного поведения

Общество не может развиваться, а законы общественного развития не могут проявляться иначе, как через деятельность людей. И если в условиях первобытного общества девиантность социума проявляется лишь в виде отдельных «эксцессов» самодеятельности архаичного человека, то в дифференцированном, социально неоднородном обществе противоречие между потенциально универсальной, тотальной деятельностью людей и актуально ограничивающей ее социальной формой (заданной обществом путем конструирования типов деятельности, норм поведения) — приобретает характер отклоняющегося поведения как относительно массового и распространенного социального явления. Девиантное поведение выступает «средством» прорыва социальной формы тотальной жизнедеятельностью.

Известно: любые действия в конечном счете осуществляются ради удовлетворения потребностей. И, переходя к проблеме причин изучаемых процессов, можно предположить, что в иерархии противоречий социально-экономического развития, составляющих «причинный комплекс» девиантного поведения, наиболее значимо противоречие между равномерно растущими потребностями и существенно неравными возможностями их удовлетворения, зависящими прежде всего от социальной позиции индивидов и общественных групп, их места в социальной структуре. Иначе говоря, источником девиантного поведения как социального явления служит социальное неравенство".

При этом необходимо иметь в виду, что, во-первых, одним из важнейших критериев прогрессивного развития, повышения уровня организованности системы (общества) служит дифференциация, т. е. усложнение структуры, разнообразие элементов. Это особенно важно напомнить сегодня, когда мы, наконец, освобождаемся от догматических оков и заволаживающих стереотипов казарменного равенства, всеобщего единомыслия и единодушия. Закон необходимого разнообразия У. Эшби действует и в социальном мире. Дифференциация общества как следствие углубляющегося разделения труда есть объективно прогрессивный процесс. Однако он вызывает и негативные последствия. Так, неодинаковое положение социальных слоев и групп в системе общественных отношений, в социальной структуре обуславливает социальное неравенство, различия в реальных возможностях удовлетворения потребностей. И не только витальных, но, что для нашего предмета особенно важно, собственно социальных: в престиже, статусе, самоутверждении и др. Это не может не порождать социальных конфликтов, протестных реакций, принимающих форму девиантного поведения.

Во-вторых, пока нас убеждали в «преодолении» социальных различий, «сближении» города и деревни, труда умственного и физического, углублялась дифференциация, принимавшая патологические формы (мафиозные кланы и миллионы граждан за чертой бедности).

В-третьих, главным и генезисе девиантного поведения является не сам по себе уровень удовлетворения материальных и духовных потребностей, а степень различий, «разрыв» в возможностях их удовлетворения для разных социальных групп. Это подтверждается многочисленными эмпирическими исследованиями.

На уровне индивидуального поведения наиболее общей причиной девиантности служит «социальная неустроенность» как результат несоответствия объективных свойств индивида (включая его задатки, способности, а также свойства, приобретенные в процессе социализации) требованиям занимаемой позиции в системе общественных отношений. Позиция может быть «ниже» (поэт-вахтер, философ-истопник) или «выше» (посредственность в директорском кресле) своих объективных возможностей; индивид может оказаться вне официальной структуры общества (бродяга, тунеядец, бомж). Вероятно также, что, хотя индивид занимает позицию в соответствии с личностными свойствами, и позиция, и свойства ниже достигнутого обществом уровня развития.

Социальная неустроенность может не осознаваться человеком, будучи же осознанной, проявляется психологически в виде неудовлетворенности. Очевидно, этим объясняется повышенная девиантность маргинальных, а также социальных групп, наиболее отчужденных от творческих видов труда, управления, духовных ценностей. Вот почему, например, по нашим данным, в Ленинграде «коэффициент криминальной активности» (частное от деления доли обследуемой социальной группы среди преступников на ее долю в населении) оказался по убийствам: 1,9 — рабочие; 0,17 — служащие; 0,28 — учащиеся; по тяжким телесным повреждениям соответственно — 1,97; 0,16; 0,39; по кражам личного имущества — 1,06; 0,04; 0,66; по хулиганству — 1,97; 0,15; 0,76. Уровень самоубийств среди рабочих в 2,4 раза выше, чем среди служащих. Высока криминальная, алкогольная активность неработающих и неучащихся (аутсайдеры), а также уровень преступности и наркотизма у молодежи и несовершеннолетних (маргиналы по определению).

Имея общий генезис, различные формы девиантного поведения определенным образом взаимосвязаны.

Отметим, во-первых, относительно устойчивый характер взаимосвязей. Так, издавна и в различных государствах проявлялась устойчивая, нередко обратная корреляционная зависимость между насильственной и корыстной преступностью, алкоголизацией и наркотизацией населения, убийствами и самоубийствами, женской преступностью и проституцией и т. п. Весенне-летний пик самоубийств, установленный Э. Дюркгеймом на примере Франции XIX века, фиксируется и сейчас во многих странах, включая Советский Союз.

Во-вторых, взаимосвязи различных форм отклоняющегося поведения сложны, противоречивы, часто не отвечают обыденным представлениям. Нередко наблюдается индукция форм социальной патологии, когда одно негативное явление усиливает другое (алкоголизация — хулиганство и некоторые насильственные преступления, наркотизм — корыстные, бюрократизм — должностные и хозяйственные), однако эмпирически установлены и обратные связи, когда, например, рост алкоголизации сопровождается снижением уровня преступности, в обратной корреляционной зависимости находятся убийства и самоубийства. Соотносясь не как причина и следствие (представляется некорректным довольно распространенное мнение о том, что пьянство — одна из причин преступности), но как рядоположенные общественные явления с едиными социальными причинами, различные формы социальной пато-

логии могут либо совпадать, усиливая друг друга, либо «разводиться» в обратной зависимости, подавляя одно другое («интерференция» различных форм девиантного поведения).

В-третьих, очевидна зависимость различных форм девиантного поведения от среды — экономических, социальных, демографических, культурологических и иных факторов. При этом различные социальные девиации по-разному реагируют на средовые воздействия. Известно, например, что во время войн снижается уровень самоубийств, в периоды экономических кризисов растет корыстная преступность, стабилизируется или сокращается (абсолютно или относительно) насильственная. Так, например, в Советском Союзе, в течение 1979—1989 гг. уровень тяжких насильственных преступлений в расчете на 100 тыс. человек населения относительно стабилен (уровень умышленных убийств сократился на 6%, тяжких телесных повреждений вырос на 2,3%, изнасилований вырос на 12%), тогда как уровень корыстных преступлений резко увеличился (краж в 2 раза, грабежей в 2 раза, разбойных нападений в 1,5 раза)²⁰. Экономический бум сопровождается взрывом насильственной преступности. Например, в Швеции за период с 1975 по 1988 гг. уровень насильственных преступлений вырос в 2,1 раза, а уровень корыстных преступлений всего на 10%²¹. В современном мире эскалация насилия нивелирует эту тенденцию, однако она все же проявляется в соответствующих условиях, хотя бы и в сглаженном виде.

Представляется, что в периоды экономических кризисов, войн и иных социальных потрясений изменяется, «перераспределяется» поле социальных возможностей, сфера проявления социальной активности, изменяется (сглаживается перед лицом военной опасности или социально-экономических невзгод) «разрыв» между классами и социальными группами. Во всяком случае, происходит широкое перераспределение социальных возможностей для самоутверждения. Экономический расцвет сопровождается более полным удовлетворением витальных потребностей. На этом фоне большую значимость приобретают для людей потребности в престиже, самоутверждении, творчестве, удовлетворение которых сопряжено с объективными трудностями. Неудовлетворенные же социальные потребности приводят к попыткам их удовлетворить, в том числе — антиобщественными средствами («комплекс Герострата»).

В-четвертых, имеются определенные взаимосвязи между позитивными и негативными отклонениями. Теоретически понятно, что повышенная социальная активность — как следствие неудовлетворенных потребностей — может проявиться

либо в социальном творчестве (позитивные отклонения), либо в антиобщественной деятельности (преступления, антиобщественные проступки), либо, не найдя реализации, окончиться «уходом» ее субъектов в алкоголь, наркотики, а то и суицидальным актом. Некоторые результаты эмпирических исследований свидетельствуют в пользу этой гипотезы. Так, были установлены: повышенная творческая (самодеятельное техническое, художественное творчество, активные формы досуговой деятельности) и антиобщественная (насильственные преступления, самоубийства) активность такой маргинальной группы как служащие без специального образования; повышенная досуговая активность (до ареста) лиц, осужденных за преступления; непропорционально высокий уровень бывших спортсменов (мастера и кандидаты в мастера спорта) среди наркоманов Грузии (данные А. Габiani) и др.²² Очевидно, эти данные могут быть интерпретированы как показатели повышенной социальной активности лиц, не сумевших ее реализовать в общественно полезных формах и «проявивших» себя в антиобщественной деятельности.

Автор надеется вернуться к вопросу о взаимосвязях различных форм девиантного поведения, равно как и к более подробному изложению **закономерностей** их существования в следующей статье, предназначенной для альманаха и посвященной анализу состояния и динамики социальных девиаций в стране.

Проблемы социального контроля

Объективность, необходимость, функциональность девиаций (в том числе негативных) не исключают постоянства в стремлении общества бороться с негативным поведением. Самозащитная реакция общества столь же объективна, необходима, функциональна, как и то, против чего она направлена. Однако средства воздействия должны быть адекватны генезису и закономерностям объекта. До сих пор большинство средств социального контроля и профилактики вызваны эмоциями, догмами и иллюзиями и, пожалуй, меньше всего — реальными закономерностями процессов, которыми мы должны управлять.

Исторически первоначальная реакция общества — подавить, **запугать**, уничтожить нарушителей порядка. Когда общество пресытилось пытками, виселицами, четвертованием, кострами и т. п., стало закрадываться сомнение в эффектив-

ности наказания, репрессии, приведшее к мысли о приоритете **предупреждения** преступлений и иных антиобщественных проявлений (Ч. Беккария, Ш. Монтескье и др.). Идея превенции нежелательных для общества явлений была значительным шагом вперед по сравнению с концепциями мести, воздаяния, кары. Однако, во-первых, провозглашаемый приоритет профилактики не исключал применения репрессий, и весьма жестких — каторги, тюремного заключения, смертной казни. Во-вторых, благие идеи профилактики оставались нереализуемыми или слабо реализуемыми на практике.

В сегодняшнем мире «кризис наказания» признается во всех развитых странах (М. Лисель, Х. Бианки, У. Бондесон, Н. Кристи, Ф. Макклинток, Дж. Митфорд, Г. Хохряков, Л. Хулсман, И. Шмаров, Е. Ясиньский и др.). Идут поиски альтернатив принудительным, репрессивным мерам воздействия²³. Приняты международные правовые акты, направленные на ограничение репрессий и защиту прав подсудимых и осужденных (Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, резолюция 39/46 Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1984 г.; Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка; резолюция 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 г.; Итоговый документ Венской встречи представителей государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 15 января 1989 г. и др.).

Осознание неэффективности тюремного заключения по-разному рефлектируется в законодательной и правоприменительной деятельности. В Швеции в 80% приговоров к лишению свободы их срок не превышает 6 месяцев. В скандинавских странах преобладают краткие сроки лишения свободы, развита система условных приговоров и пробаций, гуманизируется режим отбывания наказания. В Норвегии в 1968 г. из 2055 человек, осужденных за **тяжкие** преступления к тюремному заключению, только в 175 случаях лишение свободы превышало 1 год и лишь в 8 случаях — 3 года²⁴. В Японии из общего числа лиц, осужденных за уголовные преступления, к лишению свободы приговариваются лишь 3,5%, а 95% — к штрафу²⁵. В США существует широкая система пробаций.

Смертная казнь как антигуманное, неэффективное и противоречащее правам человека наказание отменено или фактически не применяется в 80 государствах, в т. ч. во всех европейских странах (кроме СССР...).

Общемировой «кризис наказания» проявился и в Советском Союзе, усугубленный варварским наследием тоталитарного государства. В общественном сознании сформировалась святая вера в запретительно-репрессивные меры как лучшее средство решения социальных проблем. Тревожен рост преступности и других негативных явлений. Много тревожнее искренняя убежденность, будто его можно «сбить» таким путем. Насилие, в том числе со стороны государства, порождает только насилие. И хотя за период 1985—1991 гг. произошли некоторые изменения к лучшему (сократилась доля приговоров к лишению свободы, уменьшилось число приведенных в исполнение смертных приговоров, несколько расширился доступ прессы, представителей общественных и церковных организаций в места заключения), однако в целом сохраняется репрессивная ориентация в «борьбе» (или, как заявил недавно один из руководителей высшего эшелона власти, — «войне»...) с преступностью.

Так, если в 1988 г. в странах Европы число заключенных в расчете на 100 тыс. жителей колебалось от 39,3—40 на Кипре, в Нидерландах и Исландии до 95,6—96,7 в Турции и Англии с Уэльсом (и лишь в Венгрии достигло 196), то в Советском Союзе оно составило 265 на май 1990 г. (764813 заключенных), а в середине 80-х годов доходило до 600. Правда, в США это число превышает 400, а в ЮАР — 330²⁶. Доля приговоренных к лишению свободы из общего числа осужденных в европейских странах составляла в среднем около 20% (в 1987 г. — 21% в Англии и Уэльсе, 23% в Венгрии, 20% в Швеции и т. п.), тогда как в Советском Союзе доля осужденных к лишению свободы за последние годы колебалась от 33,7 в 1987 г. до 45,2% в 1985 г., а до 1985 г. была значительно выше, доходя до 60—70%. В течение 1980—1986 гг. ежегодно за совершение преступлений осуждалось свыше 1—1,2 млн. человек и лишь к 1988 г. их число сократилось до 679 тыс. человек, и то в основном вследствие увеличения количества нераскрытых преступлений. Всего за 1980—1989 гг. было осуждено свыше 10,4 млн. человек²⁷. Крайне тяжел режим отбывания наказания в местах лишения свободы.

По данным «Международной амнистии»²⁸, за период с 1985 г. до середины 1988 г. (т. е. за 3,5 года) наибольшее количество приведенных в исполнение приговоров к смертной казни из зарубежных стран было в Ираке (ежегодно сотни), Иране (свыше 743), Китае (свыше 500, а за вторую половину 1988 года — еще 19), Нигерии (свыше 439), Пакистане (свыше 115), Саудовской Аравии (140), ЮАР (свыше 537).

В Советском Союзе было оставлено в силе приговоры к смертной казни: 1985 г. — 729, 1986 г. — 481, 1987 г. — 307, 1988 г. — 259, 1989 — 258²⁹. Для сравнения заметим, что с 1826 по 1906 годы, то есть за 80 лет, было приговорено к смертной казни 612 человек, из них казнено около 170 человек³⁰.

Общество явно нуждается в новой концепции и практике **социального контроля**.

Под социальным контролем в широком социологическом смысле понимается вся совокупность средств и методов воздействия общества на нежелательные (отклоняющиеся) формы поведения с целью их элиминирования или минимизации.

Основные механизмы социального контроля: 1) **собственно контроль**, осуществляемый извне, в том числе путем наказаний и иных санкций; 2) **внутренний контроль**, обеспечиваемый интернализацией социальных норм и ценностей; 3) **кошвенный контроль**, вызванный идентификацией с референтной законопослушной группой; 4) **«контроль»**, основанный на широкой доступности разнообразных способов достижения целей и удовлетворения потребностей, альтернативных противоправным или аморальным.

Лишь в самом общем виде можно определить стратегию и тактику социального контроля: замещение, вытеснение наиболее опасных форм социальной патологии общественно полезными и/или нейтральными, направление социальной активности в общественно одобряемом, либо нейтральном русле; легализация (как отказ от уголовного или административного преследования) «преступлений без жертв» (гомосексуализм, проституция, бродяжничество, потребление алкоголя, наркотиков); создание организаций (служб) социальной помощи: суицидологической, наркологической, геронтологической; реадaptация и ресоциализация лиц, оказавшихся вне общественных структур; либерализация и демократизация режима содержания в тюрьмах и колониях при отказе от принудительного труда и сокращении доли этого вида наказания в системе правоохранительной деятельности; безусловная отмена смертной казни.

* * *

1. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. СПб., 1912. С. 266.

2. Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности. М., 1966. С. 39—40.

3. **Мертон Р.** Социальная структура и аномия//Социология преступности. С. 401.

4. Там же.

5. **Коэн А.** Исследование проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения//Социология сегодня. М., 1965. С. 519—549; **Его же.** Отклоняющееся поведение и контроль за ним //Американская социология. М., 1972. С. 282—296; Anomic and Deviant Behaviour. N.-Y.-L., 1966; Schuf E. Labeling Deviant Behaviour, N.-Y., 1971.

6. **Гишинский Я. И.** Некоторые проблемы отклоняющегося поведения//Преступность и ее предупреждение. Л., 1971. Вып. 2. С. 95—102; **Его же.** «Отклоняющееся поведение» как социальное явление//Человек и общество. Л., 1971. Вып. VIII. С. 113—118; **Его же.** Отклоняющееся поведение — объект правового воздействия //Человек и общество. Л., 1973. Вып. 8. С. 144—157 и др.

7. Социальные отклонения/Под ред. Кудрявцева В. Н. М., 1989.

8. **Комаров М. С.** Размышления о предмете и перспективах социологии//Соц. исследования. 1990. № И. С. 33—42; Обсуждается предмет социологической науки//Соц. исследования. 1985. № 1. С. 183—186; **Ядов В. А.** Размышления о предмете социологии//Соц. исследования. 1990. № 2. С. 3—16 и др.

9. **Леви В.** Искусство быть другим. М., 1980. С. 198.

10. **Гишинский Я. И.** Творчество: норма или отклонение?//Соц. исследования. 1990. № 2. С. 41—49.

11. **Петрушенко Л. А.** Самодвижение материи в свете кибернетики. М., 1971. С. 121.

12. **Пригожин И., Стенгерс И.** Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М., 1986. С. 237.

13. **Красилов В. А.** Нерешенные проблемы теории эволюции. Владивосток, 1986.

14. **Давыдовский И. В.** Проблемы причинности в медицине: (этиология). М., 1962. С. 75.

15. **Ротенберг В. С., Аршавский В.В.** Поисксовая активность и адаптация. М., 1984. С. 138.

16. Человек как объект социологического исследования. Л., 1974. С. 91—104.

17. **Гегель.** Наука логики: В 3-х томах. М., 1971. Т. 2. С. 206.

18. **Калайков И. Д.** Теория отражения и проблема приспособления. М., 1986. С. 109, 121 и др.

19. **Гишинский Я. И.** Проблема причинности в криминологии//Сов. государство и право. 1986. № 8. С. 67—71.

20. Преступность и правонарушения в СССР: Статистический сборник, 1989. М., 1990. С. 39—48, 52—66 и др.

21. Crime Trends in Sweden. 1988. Stockholm, 1990. p. 38, 64.

22. **Волюшина Л. А.** Совершенствование условий в сфере досуга//Методологические вопросы социальных условий преступности. М., 1979. С. 137; Человек как объект социологического исследования. С. 97.

23. См.: **Кристи Н.** Пределы наказания. М., 1985; Abolitionisiii in History. Warszawa, 1991.
24. **Анденес И.** Наказание и предупреждение преступлений. М., 1979. С. 255.
25. **Уэда К.** Преступность и криминология в современной Японии. М., 1989. С. 176—177.
26. Аргументы и факты. 1991. № 3; Венгерский меридиан. 1990. № 3. С. 54.
27. Преступность и правонарушения в СССР. С. 93.
28. Когда убивает государство... Смертная казнь против прав человека. М., 1989.
29. Известия. 1991, 18 января; Комсомольская правда. 1991, 26 февраля.
30. Смертная казнь- за и против. М.. 1989. С. 71—96.